

Толстый, как мужская рука, черный рог грозно вонзился в корабль, массивное существо ударило судно, и вода хлынула через днище. Рулевой кричал матросам, чтобы они залатали пробоину, но его голос был хриплым и прерывистым из-за сильных волн и толчков.

В это время солнце заходило над морем, половина острова Пэнлай уже скрылась за горизонтом. Вдали сияло золотое сияние, а ближе к кораблю волны бушевали, и все вокруг было мрачным и неясным. Среди бесконечных волн из воды вырвались огромные черные крылья, и кто-то произнес:

— Куньпэн... Куньпэн?

Крылья снова погрузились в воду, и на поверхность всплыло тело, подобное айсбергу. Это была огромная рыба, белая, как снег, но с черным хвостовым плавником. На ее голове торчал длинный рог, как копьё, и теперь она плыла рядом с кораблем, словно собиралась проглотить его целиком.

На корабле царил хаос. Лэ Юй приказал:

— Зажгите огонь.

Внутри судна люди метались туда-сюда, а кормилица Хуэй-нян, несмотря на тревогу, крепко держала на руках младенца, успокаивая его. Лэ Юй посмотрел на нее и сказал:

— Позаботьтесь о маленьком господине.

Против ветра он поднялся на мачту. Чудовищный кит уже открыл свою пасть, и вода начала затекать внутрь. Ураганный ветер гнал корабль прямо на острые зубы и длинный рог кита. Лэ Юй одним ударом меча срубил мачту и накрыл парусом глаза чудовища. Затем он прыгнул на спину кита и ударил по рогу мечом Цици, отчего искры разлетелись во все стороны.

Корабль, освещенный огнями, развернулся и начал уходить. Кит, взбудораженный, начал биться в воде, и после более тридцати ударов его рог начал ослабевать. Кожа кита была толстой и прочной, но Лэ Юй вонзил меч под рог и с силой потянул вниз. Кит закричал от боли, хлестал хвостом по воде, и из его головы хлынула кровь, пока кожа не была содрана.

Лэ Юй, находясь на спине кита, был весь в крови. Тело кита было изрезано, и волны бились о его раны, причиняя ему невероятную боль. В агонии кит боролся за жизнь, создавая на поверхности моря бурю. Люди на корабле, наблюдая за этим издали, дрожали от страха, и многие плакали, закрывая лица.

Через полчаса кит, потеряв слишком много крови, перестал двигаться и лежал на воде, как мертвый. Солнце уже зашло, и море вокруг было окрашено в красные тона, как закатные облака. Кровь распространялась по воде, смешиваясь с ветром. Корабль, потеряв парус, с трудом приблизился к трупу кита.

Лэ Юй был покрыт кровью, но, к счастью, не получил серьезных ранений. Однако его руки, держащие меч, были изранены, а ценный меч Цици также получил несколько повреждений от столкновения с рогом.

Он молчал, его лицо было очищено от крови морской водой, и его взгляд был ясным, но вокруг него витала аура кровожадности, которая на мгновение окутала море мертвой тишиной. Труп кита был немного больше корабля, и матросы снова подняли старый парус, а затем приковали труп к кораблю, чтобы тащить его за собой.

Через некоторое время вдали показались скалы острова Пэнлай, а за ними — утес за Залом Цзинни. На поверхности воды появился длинный черный пик, который неустойчиво кружился, приближаясь к кораблю. Матросы, пережив предыдущее событие, сразу же схватили оружие.

На этот раз это был гораздо меньший кит, также с рогом на голове, размером с взрослого мужчину и полностью черный. Лэ Юй подождал, пока он приблизится, и заметил, что у него поврежден один глаз, и он слеп. Маленький кит жалобно плакал, ударяясь о труп огромного кита, словно не понимая, что он уже мертв.

Некоторые матросы выглядели напуганными, но Лэ Юй только спросил рулевого:

— Что происходит?

Рулевой, с трудом собравшись с духом, ответил:

— Несколько дней назад... когда мы плыли, мы встретили этого маленького кита. Несколько молодых матросов попытались его поймать. Я отпустил его, но было уже поздно — его глаз был уже поврежден...

Рулевой, сдавленно добавил:

— Этих молодых матросов уже выгнали с корабля.

На борту корабля большинство управляющих были образованными людьми, и некоторые из них, услышав это, выразили сочувствие, сказав, что хотя кит и был жестоким, он мстил за своего детеныша, проявляя родительскую любовь. Лэ Юй сказал:

— Освободите цепь и верните ему тело.

Маленький кит, словно чувствуя кровь своего отца или матери на Лэ Юй, слепо бился о труп, снова и снова чувствуя запах крови.

Лэ Юй, ранее охваченный яростью кита, не мог сдержаться. Он с детства не знал отца и не понимал отцовской любви, но став отцом сам, он осознал, как сильно отец может любить и защищать своих детей. Матросы вместе освободили цепь, и Лэ Юй сказал киту:

— Мы находимся всего в десяти ли от моего Зала Цзинни. Все потомки клана Лэ после смерти

возвращаются в море. Когда придет время, ты сможешь съесть мое тело.

С наступлением ночи корабль достиг Пэнлай. На берегу, за ограждением, стояли несколько ученых и управляющих, как молодых, так и пожилых, одетых в меховые одежды, а за ними следовали слуги с фонарями, готовые встретить их. Когда корабль приблизился, ученые, увидев Лэ Юй, были поражены. Пожилой ученый Хань, потрясенно потер глаза, думая, что он ошибся. Ученый Го тихо сказал:

— Как это возможно...

Молодой ученый Чэнь, более сдержанный, быстро взглянул на Гу Синьчи и Линь Сюаня. В глазах Линь Сюаня была легкая удивление, но Гу Синьчи закрыл глаза. Он надеялся, что это просто игра света, но он слишком хорошо знал Лэ Юй — его аура сильно изменилась с тех пор, как он покинул остров, и теперь, еще не достигнув тридцати лет, у него уже появились седые волосы.

Гу Синьчи уже принял решение и сказал Ханю и Го:

— Прошу прощения за то, что заставил вас ждать. Это действительно смущает нас, младших. Теперь, когда островной владыка вернулся, вы оба устали, и он тоже устал. Сегодня вечером, вероятно, не будет возможности продолжить разговор, так что, пожалуйста, отправляйтесь отдыхать. Завтра, когда островной владыка отдохнет, он непременно лично навестит вас.

Два пожилых ученых, с седыми волосами, посмотрели друг на друга, все еще в шоке от увиденного. Черные волосы были черными, а седые — седыми, и это было настолько шокирующим, что они не могли говорить. Поскольку Гу Синьчи предложил, Линь Сюань с улыбкой поддержал, и они проводили их. Молодой ученый Чэнь также попрощался и пошел с ними.

Гу Синьчи остался на берегу один, ожидая, когда Лэ Юй сойдет с корабля. Однако Лэ Юй, сойдя с корабля, подождал, и за ним осторожно вышла кормилица с младенцем на руках.

Он и Лэ Юй смотрели друг на друга на расстоянии нескольких десятков шагов, и тысячи мыслей переполняли их, но они не могли выразить их словами. Рядом уже стоял управляющий, который вышел вслед за Лэ Юй, и, вытирая пот с лица, сказал:

— Вижу господина Гу, благодарю вас за личную встречу, это действительно большая честь, но также и смущение! Островной владыка запретил нам упоминать об этом вам, но он вернулся с...

Тут Лэ Юй подошел к нему и, взяв младенца из рук кормилицы, протянул его Гу Синьчи со словами:

— Синьчи, посмотри на моего сына.

Кормилица, оставшись без ребенка, испугалась, но Гу Синьчи упрекнул его:

— Ты напугал его.

Лэ Юй передал сына, и младенец как раз проснулся, глядя на Гу Синьчи своими большими глазами и посасывая губы. Гу Синьчи почувствовал нежность и вернул ребенка кормилице, сказав:

— Этот ребенок очень милый.

Даже самый красивый человек в месячном возрасте не выглядит особенно привлекательным, черты лица еще плоские, только глаза и губы начинают проявлять очертания. Лэ Юй, услышав его слова, протянул руку, и крошечный ребенок казался еще меньше в его большой ладони. Лэ Юй, словно впервые внимательно рассматривая черты лица своего сына, сказал:

— Ты согласишься, если я скажу, что его «мать» была самой красивой женщиной, которую я когда-либо видел?

Кормилица Хуэй-нян унесла ребенка, а Лэ Юй спросил:

— Как дела в моем Зале Цзинни?

Управляющий, видя это, уже отошел, и Гу Синьчи с улыбкой ответил:

— Не посмел подвести вас. Зная, что владыка Зала Цзинни вернулся, вы не спрашиваете о старых друзьях, а сначала интересуетесь Залом. Что ж, позвольте мне показать вам.

Они взяли с собой двух слуг, которые шли впереди и сзади с фонарями, а остальные дела поручили Линь Сюаню, и направились к Саду Сосен и Камней. Среди гор и лесов были разбросаны беседки, а аллеи были глубокими и извилистыми. Один из участков дороги был широким, но крутым. Гу Синьчи, прождавший долгое время, уже чувствовал усталость, и Лэ Юй, обернувшись, протянул руку, чтобы поддержать его. В этот момент, словно вспышка молнии, пронеслись полгода, и они словно снова были в павильоне Малого Драконьего Пруда на острове, наслаждаясь вином, пока не наступила ночь, и они вернулись домой в приподнятом настроении.

На острове Пэнлай было много изысканных и богатых жилищ, но из-за надписи «Уничтожить китов и акул», оставленной первым предком Лэ Ююанем, резиденция островного владыки называлась Залом Цзинни. Зал Цзинни Лэ Сяньюй находился в Павильоне Лошадей, но после ее ухода Лэ Юй запечатал его и запретил кому-либо входить. Его собственный Зал Цзинни находился в Саду Сосен и Камней, отражая его склонность к уединению в горах и лесах.

Они открыли калитку, и внутри сада все было аккуратно убрано. Слуги зажгли свет в зале, занавески были чистыми, и нигде не было пыли. На ширмах были изображены дикие травы, а за занавесками из нефритовых бусин на стенах висели каллиграфические работы известных мастеров, собранные на острове Пэнлай. В горшках с растениями еще была влага, что говорило о ежедневном уходе.

Гу Синьчи спросил:

— Пока тебя не было, я, наконец, завершил все дела. Теперь возвращаю все в целости и сохранности. Владыка Зала Цзинни доволен?

Лэ Юй передвинул шахматную доску, сел и сказал:

— Доволен настолько, что хочу попросить у тебя вина.

Гу Синьчи, видя его непринужденность, расслабился и снял плащ, положив его рядом, сказав:

— Тогда остается только «чай вместо вина в холодную ночь».

<http://bllate.org/book/15272/1348124>